

УДК 94 (470+571):7.045

ВООБРАЖАЕМАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ: ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВЕТСКОЙ ГОРОДСКОЙ СИМВОЛИКЕ (1953–1991)

Е. А. Манжури

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
emanzhurin@hse.ru

Исследуется практика использования в городских гербах и эмблемах послесталинского СССР элементов дореволюционной геральдики, что интерпретируется как попытка установить воображаемую преемственность с дореволюционной (и, шире, несветской) историей, как процесс создания местного альтернативного видения места и времени, позволяющего акцентировать не разрыв в ходе истории, а ее непрерывность и бросить вызов установленному сверху символическому порядку.

Ключевые слова: СССР во второй половине XX в., отношения центра и периферии, репрезентации времени и пространства, ретроспективизм, городская символика, геральдика.

Советский период развития городской геральдики обойден вниманием историков¹ и остается едва ли не самым малоисследованным этапом ее развития. Несмотря на большое число официально принятых местными властями гербов и эмблем и широкое их применение в жизни города, ученые редко посвящают советским городским символам больше нескольких страниц, а то и абзацев [Гавриленков, 2007, с. 5; Гречило, 1998, с. 121–142; Rimša, 2008, р. 91–92]. Советский период представляется в историографии своего рода паузой в развитии символического языка российской городской геральдики, «возрождение» которой начинается [Ефимов, 2006, с. 21; Закутнов, 2009, с. 14; Туник, 2008, с. 35–39] лишь с распадом СССР и оформлением законодательной и институциональной базы символотворчества в Российской Федерации. Не оспаривая мнения об отсутствии у авторов советских городских символов навыков создания гербов, необходимых знаний и мастерства, автор данной статьи ставит задачу показать наличие и продемонстрировать значимость в эмблемах и гербах советских городов воображаемой преемственности по отношению к их дореволюционным предшественникам и предлагает осмысление значения данной преемственности для понимания истории позднесоветского периода.

В историографии определенную историческую преемственность значительного числа советских городских символов по отношению к их дореволюционным предшественникам отмечают почти все исследователи символики отдельных городов и регионов. Кратко освещено использование исторических символов в советский период [Башикиров, 2008; Горолевич, 2006; Куренная, 1997; Rimša, 2008]. Детально рассмотрены формы бытования в советское время исторических символов Смоленска [Ражнев, 1993].

При описании советской городской символики в целом исследователи обычно подчеркивают [Гречило, 1998; Николаев, 2009; Туник, 2008] нарочито советский характер ее языка и утверждают модель исторического развития городских символов, в которой границы советского периода характеризуются разрывом традиций, а постсоветское символотворчество воспринимается как их возрождение. В этой статье автор демонстрирует ограниченную продуктивность этой модели в применении к советской городской геральдике. Адекватно описывая историю союзных и республиканских символов, создававшихся при непосредственном участии центра, она не позволяет учесть тот факт, что само появление городских гербов на исходе «оттепели» стало возможным благодаря инициативе на местах, вследствие растущего интереса к местной истории, охране локального природного и культурного наследия.

Первые примеры использования исторических городских символов в качестве фирменных знаков автомобилей ЗИМ и ЯАЗ отмечаются (Свиринов, 1951; Шугуров 1959) уже в 1940-х гг., а начиная с 1960-х гг. новые, советские городские гербы в ходе поисков способов обозначения прошлого возвращают к жизни сотни элементов дореволюционных знаков. Утвердившееся в литерату-

ре положение, согласно которому советские городские гербы были перегружены промышленными и идеологическими символами верно отражает ситуацию в целом, но при этом игнорируется проходивший параллельно процесс легитимации имперского символического наследия. Даже авторы [Иценко, 2006, с. 131, 173], отмечающие большое внимание создателей городских символов советской эпохи к символическому наследию в целом и непосредственно к дореволюционным гербам в частности, подчеркивают исключительно различие советской и постсоветской городской символики, а если и признают наличие общих черт, то настаивают на необходимости избавиться от примет советского. Помимо «негеральдичности» – незнания и несоблюдения требований формальной геральдики, в упрек создателям советских городских символов регулярно ставится и не вполне определенный статус городского знака.

Незначительный интерес к советским городским гербам и эмблемам со стороны специалистов по геральдике основан на нескольких особенностях символов этого периода. Во-первых, ряд авторов [Николаев, 2009] не считают гербом знак, не утвержденный «верховой властью», что исключает из сферы их интересов все городские знаки советского времени. Ряд примеров, таких как существовавшая в Литовской ССР практика «апробации» гербов республиканской геральдической комиссией (ЦКН ДКН МКРЛ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–241) и попытки централизации герботворчества в Украинской ССР [Гречило, 1996; Иценко, 2003] и Латвийской ССР (Гербы городов Латвии, 1969), мало известны русскоязычным авторам. С этим связано распространенное представление о гомогенности городской символики на всей территории СССР и ретроспективное проецирование представлений, сформированных на основе материала одной республики, на описание всего корпуса советских знаков и практик их создания и применения. Во-вторых, в силу «негеральдичности» советских городских символов ряд авторов [Николаев, 2009; Туник, 2008] относит такие знаки к эмблемам², что также исключает их из поля формальной геральдики. Наиболее интересной с точки зрения исторического исследования кажется третья особенность советских городских знаков: сами практики их принятия и использования не только говорят об их проблемном геральдическом статусе, но и показывают их политическую, юридическую и социальную неоднозначность.

Инициатива создания новых символов распространялась через прессу, через профессиональное общение архитекторов и художников, идея о необходимости городского знака рождалась в контактах с городами-побратимами, но всегда оставалась местным делом. С одной стороны, гербы и эмблемы воплощались в виде стел и памятных знаков, панно и мозаик на улицах города. Их изображения украшали городские праздники, печатную продукцию, товары легкой промышленности, сувениры, помещались на заводских марках. С другой стороны, ни горкомы, ни горисполкомы практически никогда³ не использовали их в официальной документации; в сфере общения с более высокими эшелонами власти⁴ города также оставались лишены индивидуального символа. По-видимому, подобная практика рассматривалась центром как нарушение символического порядка (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 101. Д. 662. Л. 1) и была неприемлема в советской официальной сфере, в то время как в отношении других сфер бытования городских символов центр занял попустительскую позицию. Может, эта особенность советских городских символов и ставит под сомнение их принадлежность к формальной геральдике, но для историков подобные противоречия только делают более привлекательным материал в плане исследования отношений центра и периферии, практик управления в послевоенном СССР, развития национальных и местных идентичностей, проблемы личности позднесоветского человека и его участия в жизни города и страны. Поэтому в статье анализируются прежде всего практики создания и применения городских символов, как гербов, так и эмблем, на основе рассмотрения всех знаков, разработанных с использованием языка геральдики (в понимании авторов знаков), утвержденных местной властью и де-факто функционировавших как символы города. Создатели этих символов были не просто внимательны к местной истории, но зачастую обращались непосредственно к их имперским предшественникам, обеспечивая воображаемую преемственность с досоветской местной историей.

Еще до появления первых советских городских символов в публикациях центральной и местной прессы, призывающих к их созданию, отражение истории города практически всегда называлось (Валявин, 1965, с. 3; Гранин, 1959, с. 4; Долматовский, 1963, с. 2; Песков, 1965, с. 4) одной из важнейших задач, которую они должны были решать. «Отражение славного прошлого» родного края фигурирует и как задача для авторов проектов в материалах конкурсов на новый герб. И около одной трети⁵ советских городов решали эту задачу путем обращения к своим досоветским

гербам. Знаки дореволюционного прошлого сознательно совмещались с символикой советской современности, обеспечивая такой взгляд на местную историю, согласно которому советское не противопоставлялось имперскому, а следовало ему в ходе исторического развития.

Уже в первых городских гербах, принятых⁶ в СССР в середине 1960-х гг., отмечается обращение к историческим символам соответствующих городов и регионов. Так, один из первых советских городских знаков, утвержденный Пензенским горисполкомом в 1964 г., включает в себя основной элемент герба Пензы имперского периода – три снопа. Исторический контекст подтверждает неслучайность этого выбора. По инициативе и под руководством второго секретаря Пензенского обкома Г. В. Мясникова, бывшего члена группы «шелепинцев», в Пензенской области была развернута масштабная кампания культурного строительства [Мясников, 1985], направленная на «...возрождение русского духа, национального достоинства русского человека. Отсюда всё идёт, этим питается» (Мясников, 2008, с. 159). Поддержав идею пензенских художников (ГАПО. Ф. Р-2654. Оп.1. Д.27. Л.6) о создании герба города, Мясников придал Пензе еще одну отличительную черту (после герба Москвы 1924 г. это был первый официальный городской знак в РСФСР). В Пензе советский герб стал не столько инструментом идеологической пропаганды достижений социалистического строительства, сколько способом восстановить утраченную традицию, увидеть культурную преемственность с досоветской Россией и возродить «национальное достоинство русского человека».

Пример Пензы, разумеется, исключителен по масштабам и степени осмысленности программы возрождения традиций, однако практика использования своеобразных цитат из дореволюционных гербов как способа отражения прошлого была довольно широко распространена в советской городской геральдике с момента ее появления. В 1965 г. принимает свой герб Мичуринск, инкорпорируя в него основной элемент герба Козлова⁷, так же поступает горсовет Сум в 1988 г., а гербы Перми 1969 и Сыктывкара 1978 г. включали в себя несколько модифицированные дореволюционные знаки целиком. Неизбежным результатом такого соположения имперских и советских символов была нормализация первых, и, может быть, поэтому в КПСС неодобрительно относились к появлению гербов у советских городов.

Еще более смелыми были довольно многочисленные гербы, полностью воспроизводившие дореволюционные символы⁸ или вносившие в них лишь небольшие изменения. Герб Саранска 1967 г. представляет собой попытку максимально использовать традиционную иконографию, адаптируя ее к советскому контексту лишь путем изобретения дополнительного уровня значения символа. Основные элементы исторического герба (бегущая лиса и три направленные в нее вертикально стрелы) сохраняются, но включаются в схематичное изображение лампы накаливания, где силуэт лисы – спираль, а стрелы – «проводники тока». Цвет исторического герба изменен и соответствует цветам флага РСФСР, вверху герб дополнен мордовским национальным орнаментом. Герб Таганрога 1966 г. представляет из себя не что иное, как герб 1808 г. с необходимыми идеологическими коррективами (убран щиток с крестом, а якоря в четвертой четверти заменены силуэтом шестерни, в то время как три четверти оставлены без изменений). И в дальнейшем города, имевшие дореволюционные гербы, легитимировали их, включая в них элементы советского символического языка, при необходимости модифицируя символы с явной религиозной или монархической семантикой. Таковы гербы Риги и Львова, принятые в 1967, а в Литве в 1966–1970 гг. восстановлены с небольшими модификациями около 20 досоветских гербов. Не имевшие «старых» гербов Никополь и Златоуст находят иные символы, отсылающие к дореволюционной казацкой и промышленной истории, подчеркивая тем самым непрерывность жизни города, создавая видение времени, в котором советский период оказывается в одном ряду с предшествующим.

Гербовый щит в русской имперской геральдике традиционно был французской формы. Форма герба СССР, гербов союзных и автономных республик в корне отличалась от имперских и отражала стремление озаглавить появление нового символического языка. В советской городской геральдике в первые годы ее распространения использовались самые разнообразные формы щита, знаки имитировали то форму герба республики (герб-медаль Ленинанка, герб Зырянска), то форму герба Союза ССР (эмблема Дзержинска), иногда находили оригинальные неканонические решения (гербы Златоуста, Днепропетровска, Джезказгана). Однако довольно быстро выявляется тенденция использовать форму щита, отсылающую к тому или иному пониманию национальной геральдической традиции⁹, которая в большинстве республик СССР, не нашла отражения в офици-

альных республиканских символах. Так, в подавляющем большинстве знаков на территории РСФСР использован традиционный для Российской империи французский щит, в Украинской ССР встречается славянский тип щита, хотя в целом также преобладает французский. В Литовской ССР республиканская геральдическая комиссия рекомендовала (ЦКН ДКН МК РЛ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 123об.) пять форм щита в зависимости от периода возникновения города, причем французский в их число не входил и в гербах городов советской Литвы не применялся. В нескольких гербах городов Коми АССР использовалась оригинальная форма щита, отсылающая к национальному орнаменту [Геральдика земли Коми, 1996, с. 14; Морозова, 2007, с. 195–199].

Вопрос о том, служит ли национальное своеобразие формы щита наиболее удобным способом продемонстрировать местное или же его ценность для создателей городских символов советского периода заключается именно в отсылке к национальной культуре, требует специального рассмотрения. Предварительно стоит отметить, что советские знаки, создаваемые как местные символы, вполне могли не только способствовать развитию локального патриотизма и городской идентичности, но и быть использованы¹⁰ как инструмент конструирования национальной идентичности. Включение в городские знаки национальных символов служило вызовом установленному символическому и политическому порядку, при котором национальные элементы были строго ранжированы и оформлены в ходе централизованного национального строительства. Использование национального для обозначения города, причем инициированное на уровне города, неизбежно выбивалось за рамки устоявшейся структуры.

Само возникновение феномена локально создаваемых советских городских гербов и быстрое распространение этой инициативы в Советском Союзе свидетельствуют о появлении запроса на большее внимание к локальной специфике, запроса на инструменты локальной идентификации. При этом в части созданных городских символов использован лишь визуальный язык авторитетного дискурса [Юрчак, 2014, с. 90–93], и они остаются его локальной проекцией, без каких-либо местных примет. И все же в большом числе новых знаков обнаружены не только яркие способы отражения локального, но и обращение в поисках альтернативного символического языка к национальным и досоветским символам. Общим для этих трех категорий (локальное, национальное, досоветское) является отражение попытки найти «несоветские» символы города. Иными словами, в рассмотренных в данной статье гербах и эмблемах выявлено общее стремление создать видения места и времени, альтернативное [Beecher, 2014, p. 1] тем, что предлагались авторитетным визуальным дискурсом.

Большая часть знаков не была по своей природе ни революционной, ни подрывной по отношению к доминировавшему символическому языку. Во многих новых гербах «несоветские» символы сочетались с традиционными серпом и молотом, шестеренкой и колосом, колбой и атомной орбитой. Но рождавшееся в них соположение советского и местного, советского и национального и, наконец, подробно рассмотренное в данной статье сочетание советского символического языка и дореволюционного геральдического наследия меняли баланс в символическом порядке и отражали изменения в отношениях центра и периферии. Показывая ценность прошлых эпох, это соположение служило инструментом переосмысления [Kozlov, 2001, p. 580–587] советского проекта, средством релятивации достижений социализма.

Локальные альтернативы централизованному советскому символическому языку, в котором и союзный герб, и гербы республик говорили почти исключительно о настоящем или будущем, сознательно обращались к прошлому, обеспечивая воображаемую преемственность с досоветской историей путем обращения к символике времен Российской империи или более ранних периодов. Энтузиазм, с которым горожане участвовали в конкурсах на создание нового символа, в обсуждениях в местной прессе, огромный спрос на значки с историческими гербами говорят о растущем интересе к локальной истории, в особенности к ее досоветскому периоду. Постулируемая в гербах и эмблемах советских городов преемственность с досоветским прошлым рождает децентрализованное, альтернативное видения времени, в соответствии с которым советское настоящее и досоветская история не противопоставляются как принципиально разные эпохи, а помещаются в один временной процесс. Изучение разного видения дает историку возможность взглянуть на послесталинский Советский Союз с точки зрения сотен городов, создававших в 1960–1980-х гг. свои символы и отражавших в них свое понимание прошлого, настоящего и будущего советского проекта, отличное от того, что формировалось в центре.

Примечания

¹ Речь идет не только об отсутствии монографий, до сих пор не известно даже число советских городских гербов и эмблем, и единственным подспорьем в этом вопросе служат самиздатские каталоги коллекционеров-фалеристов. См. прежде всего [Кривошапка, 1993; Меликаев, 1989–1991].

² В советский период эти термины зачастую употреблялись синонимично, и в прессе того времени нередко речь идет именно об эмблемах, что, вероятно, является реакцией на неоднозначный статус герба.

³ Однако такие примеры все же были: гербы советского периода использовались на бланках местной администрации в Клайпеде (ЦКН ДКН МК РЛ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 66) и Нижнем Тагиле [Тагильский коллекционер, 2013].

⁴ Единственным исключением являются централизованные попытки создать гербы в отдельных республиках, однако в Украинской и Латвийской ССР проекты не были реализованы, а деятельность более успешной республиканской геральдической комиссии в Литве была прекращена по устному распоряжению из Москвы.

⁵ Оценка автора. Доступны точные сведения лишь в отношении городских гербов Украинской ССР на основе данных, собранных и обработанных в диссертационном исследовании Я.О. Ищенко.

⁶ В 1964 г. принят герб Пензы и герб-медаль Ленинанкана, в 1965 г. – гербы Зыряновска и Мичуринска, эмблема Дзержинска, в 1966 г. утверждают свои гербы Златоуст, Междуреченск, Никополь, Североморск, Таганрог, а в 1967 г. принято свыше сорока городских символов.

⁷ До 1932 г. город назывался Козлов.

⁸ С середины 1960-х гг. имперское геральдическое наследие становится доступно широкому кругу советских граждан благодаря началу выпуска серий значков с гербами городов и губерний Российской империи. Реакцией на появление новой серии становится ажиотажный спрос, возникновение черного рынка и многочисленных новых серий с той же тематикой, в том числе подпольных. Спрос именно на исторические гербы столь велик, что вскоре выпускаются значки с более ранними версиями и проектами гербов имперского периода. См. [Сметанников, 1992].

⁹ Данный вывод основан на материалах конкурсов и соответствующих постановлениях местных властей. При изготовлении наиболее распространенной формы бытования городского герба в советский период – нагрудного значка – практически всегда применялся шиток французской формы.

¹⁰ Наиболее яркое подтверждение данного тезиса можно найти в работе республиканской геральдической комиссии Литовской ССР, что станет предметом отдельной публикации. См. также приведенную цитату из дневника Г.В. Мясникова.

Список источников

Архив Центра культурного наследия Департамента культурного наследия Министерства культуры Республики Литва (далее – ЦКН ДКН МКРЛ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1–241.

Валявин Д. Эмблема доблести, чести и славы // Ленинградская правда. 1965. 26 июня.

Гербы городов Латвии // Советы депутатов трудящихся. 1969. № 4 (142), апр.

Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523 Оп. 101. Д. 662. Л. 1.

Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2654. Оп. 1. Д. 27.

Гранин Д. А. Пусть у города будет герб // Известия. 1959. 17 нояб.

Долматовский Е. А. Возродим геральдику наших городов // Советская культура. 1963. 28 мая.

Мясников Г. В. Страницы из дневника (1964–1992). М., 2008.

Песков В. М. Отечество // Комсомольская правда. 1965. 4 июня.

Свиринов А. Воскрешение традиций // Огонек. 1951. № 12.

Шугуров Л. Геральдика автомобилей // Юный техник. 1959. № 7.

Библиографический список

Баширов К. С., Штейнбах С. Ю. История и геральдика Земли Ленинградской. СПб., 2008.

Гавриленков С. С. Современная московская символика: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Геральдика земли Коми / сост. Э. А. Ананьина. Сыктывкар, 1996.

Горолевич И. Е. Геральдика земли Калужской: прошлое, настоящее, будущее: в 3 т. Калуга, 2006.

Гречило А. Документи про складання ескізів гербів міст Української РСР у повоєнний час // Україна в минулому. Львів, 1996. Вип. 9.

Гречило А. Б. Українська міська геральдика. Київ; Львів, 1998.

Ефимов П. И. Становление и развитие территориальной символики в Марийском крае: XVIII – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.

- Закутнов О.И. Становление и развитие современной геральдической системы в конце XX – начале XXI вв. (на материале Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2009.
- Иценко Я. О. Нереалізовані геральдичні проекти 60-х рр. XX ст. // Український історичний журнал. 2003. № 6.
- Иценко Я. О. Символіка та емблематика міських гербів України 1960–1980-х років XX ст.: історико-джерелознавче дослідження: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006.
- Кривошапка А. И., Марков В. Л. Алфавитный каталог городов, поселков, сел губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы. СПб., 2002.
- Куренная И. Г. Летящий из глубины веков. Чита, 1997.
- Меликаев В. И., Сержан В. В. Каталог современных гербов городов, поселков и сел СССР. Минск, 1991.
- Морозова Е. И. «Каждому городу иметь утвержденный герб...» (к вопросу об истории геральдики городов и районов Республики Коми) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2007. Вып. 6.
- Мясников Г. В. Отчизна в сердце нашем (Из опыта идейно-воспитательной работы Пензенской областной партийной организации). М., 1985.
- Николаев Ю.К. Историко-культурное наследие Пермского края. Официальная символика. Пермь, 2009.
- Ражнев Г. В. Герб Смоленска // Библиотека журнала «Край Смоленский». 1993. Вып. 1.
- Сметанников И. С. История «стандартных» гербов // Гербовед. 1992. № 1.
- Тагильский коллекционер 2013. № 3(40). URL: http://historyntagil.ru/collection/tc_040.htm (дата обращения: 17.07.2015).
- Тунник Г. А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2008.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.
- Beecher D. I. Ivory Tower of Babel: Tartu University and the Languages of Two Empires, a Nation-State, and the Soviet Union: Abstract of the PhD Dissertation. University of California Berkeley, 2014.
- Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, no. 3.
- Rimša E. The Heraldry of Lithuania. Vilnius, 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.08.2015

IMAGINED CONTINUITY: PRE-SOVIET HERALDIC HERITAGE IN THE SOVIET CITY SYMBOLS (1953-1991)

E. A. Manzhurin

National Research University “Higher School of Economics”, Soyuza Pechatnikov str., 16, 190008, Saint Petersburg, Russia
emanzhurin@hse.ru

The paper analyses how the imperial territorial heraldry was used in the Soviet city symbols (emblems and coats of arms) as a grassroots initiative in the post-Stalin USSR. On the examples of local cases (such as Penza (1964), the Soviet Lithuania (1966-1970), Syktyvkar (1978), Sumy (1988), etc.), the author argues that in employing imperial heraldic elements filled with political overtones, the creators of the legally dubious Soviet city arms tried to establish *imagined continuity* with pre-Soviet (and essentially non-Soviet) history in order to produce alternative local visions of space and time. Those visions emphasized historical continuity rather than rupture and radical change of both symbolic language and vision of time suggested by the centrally manufactured Soviet visuals. City arms combined distinctly the Soviet elements with symbols borrowed from pre-Soviet past, national symbolic repertoires and locally important elements. Such apposition eroded the superiority of the authoritative visual discourse and interpreted the Soviet era as just one more period in multiple local histories. The imagined continuity in the Soviet city symbols served as an instrument of doubt and posed subtle local challenges to the centrally designed symbolic and political order. The paper’s introduction of novel type of sources and its decentralized viewpoint opens new opportunities for studying center-periphery relations, representations of time and space, local and the Soviet identities and subjectivities in the late Soviet Union.

Key words: the late Soviet history, center-periphery relations, representations of time and space, retrospectivism, territorial symbols, heraldry.

References

- Bashkirov K. S., Shtejnakh S. Yu. *Istoriya i geraldika Zemli Leningradskoy*. Sankt-Peterburg, 2008.
- Beecher D. I. *Ivory Tower of Babel: Tartu University and the Languages of Two Empires, a Nation-State, and the Soviet Union*. PhD Dissertation. University of California Berkeley, 2014.
- Efimov P. I. *Stanovlenie i razvitie territorialnoy simvoliki v Marijskom krae: XVIII - nachalo XXI vv.: avt. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ist. nauk*. Kazan, 2006.
- Gavrilenkov S. S. *Sovremennaya moskovskaya simvolika: istoricheskiy aspekt: avt. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ist. nauk*. Moscow, 2007.
- Gorolevich I. E. *Geraldika zemli Kaluzhskoy: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. In 3 Vol. Kaluga, 2006.
- Grechylo A. B. *Dokumenty pro skladannya eskyziv gerbiv mist Ukraïns'koï RSR u povoennoy chas/ Ukraïna v mynulomu*. Issue 9. Lviv, 1996. P. 214–216.
- Grechylo A. B. *Ukraïnska miska geraldika*. Kiïv; Lviv, 1998.
- Ishchenko Ya. O. *Nerealizovani geraldichni proekty 60-kh rr. XX st. Ukraïns'kiy istorichnyy zhurnal*. 2003, № 6. P. 78–92.
- Ishchenko Ya. O. *Symvolika ta emblematyka mis'kykh gerbiv Ukraïni 1960-1980 rokiv XX st.: istoryko-dzhereloznavche doslidzhennya: dis. kand. ist. nauk*. NAN Ukraïny; Institut istorii Ukraïny. Kyiv, 2006.
- Kozlov D. *The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2, no. 3 (2001). P. 577-600.
- Krivoshapka A. I., Markov V. L. *Alfavitnyy katalog gorodov, poselkov, sel guberniy i oblastey Rossii, SNG, byvshikh soyuznykh respublik SSSR, imeyushhikh staroye i sovremennyye gerby*. Sankt-Peterburg, 2002.
- Kurenaya I. G. *Letyashhiy iz glubiny vekov*. Chita, 1997.
- Melikaev V. I., Serzhan V. V. *Katalog sovremennykh gerbov gorodov, poselkov i sel SSSR*. Minsk, 1991.
- Morozova E. I. «Kazhdomu gorodu imet' utverzhdenyy gerb...» (k voprosu ob istorii geraldiki gorodov i rayonov Respubliki Komi) // *Muzei i kraevedenie*. Issue 6. Syktyvkar, 2007. P. 191–199. *Geraldika zemli Komi / comp. by Ye. A. Ananina*. Syktyvkar, 1996.
- Nikolaev Yu. K. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Permskogo kraya. Oficialnaya simvolika*. Perm, 2009.
- Razhnev G. V. *Gerb Smolenska. Biblioteka zhurnala «Kraj Smolenskiy»*. Issue 1. Smolensk, 1993.
- Rimša, E. *The Heraldry of Lithuania*. Vilnius: Baltos lankos, 2008.
- Smetannikov I. S. *Istoriya «standartnykh» gerbov. Gerboved.* 1992. № 1. P. 48–61.
- Tagil'skiy kollektzioner 2013. № 3(40). URL: http://historyntagil.ru/collection/tc_040.htm (data obrashheniya: 17.07.2015)
- Tunik G. A. *Sovremennaya rossiyskaya geraldika kak faktor otrazheniya spetsifiki Rossiyskogo gosudarstva: istoriko-politologicheskiy analiz*. Avt. dis. na soiskanie uchenoy stepeni doktora politicheskikh nauk. Moscow, 2008.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie*. M. 2014.
- Zakutnov O. I. *Stanovlenie i razvitie sovremennoy geraldicheskoy sistemy v kontse XX – nachale XXI vv. (na materiale Nizhnego Povolzh'ya): avt. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ist. nauk*. Astrahan, 2009.